

Е.А. БОБРОВ: К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

Хулапова А.А.

В статье рассматривается научная деятельность преподавателя крупных российских университетов Е.А. Боброва (1867–1933), представителя русского лейбницианства. Анализируется психологическая теория критического индивидуализма Боброва, раскрывается специфика психологических воззрений ученого, своеобразие его научной позиции в контексте отечественной истории психологии.

Ключевые слова: лейбницианство, критический индивидуализм, субстанция, личность, самосознание, бытие, экзистенциализм.

Целью науки истории психологии является изучение и реконструкция психологических представлений на разных этапах культурной эволюции человечества. На сегодняшний день в отечественной истории психологии имеются неисследованные моменты, отдельные персоналии остаются неизвестными современным ученым. Одним из таких полузабытых деятелей науки является Евгений Александрович Бобров (1867–1933), преподаватель крупных российских университетов (Юрьевского, Казанского, Варшавского, Донского).

Профессор Бобров – талантливый литературный критик, историк философии и психологии, активный деятель-организатор, создатель концепции критического индивидуализма. Его характеризует энциклопедичность интересов и широкий кругозор, он является автором большого количества научных трудов. Свои исследования Е.А. Бобров вел в области философии, логики, психологии, литературы, эстетики. Он в совершенстве владел несколькими иностранными языками, читал в подлинниках Аристотеля, Платона и других древнегреческих философов. Персона Боброва интересна также тем, что был первым профессором, кто начал преподавать психологию в Варшавском университете, а после революции 1917 г. – Донском (ныне – ЮФУ). В связи с этим, Бобров является возможным основателем Ростовской психологической школы. Вот почему нам представляется важным исследовать научное наследие Е.А. Боброва, проанализировать его психологическую концепцию, а также определить специфику его психологических воззрений в контексте отечественной истории психологии.

Объектом нашего исследования выступает творчество Е.А. Боброва, его философско-психологическое

наследие: биографические материалы и труды профессора, произведения о нем, а также архивные материалы, рукописи, переписка с ведущими учеными конца XIX – начала XX вв.

Литературная деятельность Боброва представлена статьями и философско-психологическими сочинениями, которые либо выходили отдельными изданиями, либо публиковались в дореволюционных журналах «Вопросы философии и психологии», «Журнал министерства народного просвещения», «Исторический вестник», «Русская старина», собственном издаваемом журнале «Вопросы педагогики» и др.

Наиболее известны среди произведений Боброва четырехтомная «Литература и просвещение в России XIX в.» (1900–1903), шеститомная «Философия в России» (1899–1903), где ученый систематизировал большое количество редких, архивных материалов, а также работы по психологии – «Из истории критического индивидуализма» (1898), «О самосознании» (1898), «Психологические воззрения древних греческих философов» (1906). Многие произведения Боброва находятся на стыке наук: философия, литература, эстетика, логика, психология, педагогика. Профессор был убежден, что научный характер и логика, и психология могут получить только в том случае, когда преподавание их основано на историческом фундаменте. «Не случайно, – пишет журналист В.В. Смирнов, – в «Большой энциклопедии» Южакова его называют философом, а в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона – писателем. Попасть в главные энциклопедии России – большая честь» [5, с. 253]. Статья в энциклопедии С.Н. Южакова была опубликована, когда Боброву было всего

34 года, по современным меркам он считался бы молодым ученым.

За все время своей научно-педагогической деятельности (более 40 лет) профессор Е.А. Бобров написал сотни научных трудов и при этом вел активную преподавательскую деятельность. Современники отмечали, что Бобров был блестящим педагогом и активным организатором студенческих кружков, научных семинариев. Вокруг профессора сформировался круг из его учеников и последователей, развивавших его научные идеи. Это выпускники историко-филологического факультета Казанского университета А.О. Маковельский (впоследствии профессор Азербайджанского университета), И.И. Ягодинский, Н.Н. Сретенский и др. Ученые называли себя «критическими мыслителями» и разделяли взгляды своего учителя, что отчетливо прослеживается в их работах, посвященных истории античной философии и взглядам Г. Лейбница. И.И. Ягодинский и Н.Н. Сретенский в советское время преподавали в Донском (с 1925 г. – Северо-Кавказском) университете вместе с Е. Бобровым, вели курсы педагогики и психологии.

Интересный факт из жизни Е.А. Боброва можно найти в архивных документах, которые свидетельствуют о том, что в 1928 г. профессор пожертвовал свою обширную библиотеку, содержащую более 18 тыс. томов, Северо-Кавказскому Университету. Эти книги хранились в Дерпте, откуда Бобров не мог вывезти во время империалистической, а затем гражданской войны. Университет организовал пересылку библиотеки профессора из Дерпта в Ростов. Помимо книг, представляющих собой весьма большую научную коллекцию, библиотека Е.А. Боброва заключала в себе полные собрания сочинений русских писателей, которые в академической библиотеке университета отсутствовали [7]. Основу собрания профессора составляли издания по философии (редкие диссертации и издания Лейбница), иностранные классики в подлинниках, литература по истории религий, собрание сочинений, относящихся к истории Казани и Дерпта, запрещенные заграничные русские издания и многое другое. «Среди совершенно уникальных изданий, составлявших собрание Боброва, были библиографические редкости: инкунабула Ямблиха, «Анатомия»... А. Везалия, несколько книг редчайших изданий Н.Е. Струйского... в переплетах из белой кожи и белого атласа внутри» [6, с. 42]. Это был уникальный дар. В довоенное время многие ученые работали с коллекцией Боброва. К сожалению, во время Великой Отечественной войны, университетская библиотека лишилась этого уникального собрания сочинений.

Научные воззрения профессора Е.А. Боброва развивались в рамках персоналистического (лейб-

ницианского) направления философии, полагающего в основу мировоззрения принцип личности, индивидуального самосознания. Свою концепцию профессор именовал критическим индивидуализмом, она занимает достойное место в ряду талантливых систем русских неoleyбницианцев – «панпсихизма» А.А. Козлова, «монистического спиритуализма» Л.М. Лопатина, «интуитивизма» Н.О. Лосского и др.

Вслед за Г. Лейбницем, Бобров считал, что душа и тело образуют единство, существует только мир индивидуальных духовных субстанций, являющихся основой бытия. Идея индивидуализма оказывается приоритетной потому, что, полагал ученый, в своем самосознании человек находит себя, прежде всего в качестве отдельного индивида. Окружающая реальность, внешний мир существуют для человека не сами по себе, а в свете его субъективных представлений о них. Душа наделяет предметы внешнего мира пространственно-временными отношениями, поэтому, считал Бобров, следует отказаться от попыток познать бытие во внешнем мире и вернуться к тому, что самоочевидно для субъекта и не нуждается в доказательстве – к его собственному бытию, к индивидуальному «я», которое осуществляет разнообразную мыслительную деятельность и о котором можно построить знание [3].

Критицизм обращается к психологическому исследованию нашего знания, ограничивает его пределы областью собственного сознания и показывает, что весь так называемый внешний мир есть призрак. Все знания о существовании внешнего мира мы получаем благодаря деятельности нашего самосознания. Представление об окружающей действительности создается у субъекта при помощи мышления по аналогии (убежденности в подобии других существ нам), проектирования (перенос знаний о себе на другие существа) и субстанцирования (мы приписываем им такое же самостоятельное существование, каким обладаем сами) [3].

В данной теории время, пространство, материя считаются представлениями мыслящего субъекта. Наши мысли, чувства, желания и ощущения являются актами реальной деятельности мыслящей субстанции, т. е. внешний предметный мир представляет собой мир кажущийся, а внутренний, психический есть мир реальный. Сравнивая это понимание с тем пониманием внешнего мира, каким мы пользуемся в нашем житейском обиходе, мы не можем не отметить резкой разницы. Внешний мир в обычном понимании, есть мир материальный. Сложно вообразить, что время и пространство – это всего лишь образующиеся в сознании представления. Особенно непросто это понять по отношению к времени, так как непосредственно создаваемые психические деятельности возникают и исчезают во времени, которое кажется

столь же реальным, как и сами деятельности. Однако лейбнизианцы убеждены: идея времени возникает в нас только благодаря узости нашего сознания, так маленькие дети и животные не сознают идеи времени, которое для них и не существует [4].

В рамках теории критического индивидуализма Бобров разработал учение о бытии. Понимание бытия лишь как наличного, непосредственно осознаваемого существования субъекта, согласно Боброву, является недостаточным. Профессор утверждал, что существует четыре рода бытия: идейное (содержание отдельных актов мышления), субстанциальное (непосредственное сознание «Я»), реальное (деятельности сознания) и координальное (соотносительное, связывает все элементы сознания воедино). Наличное бытие познающего субъекта едино, его единство заключается в субстанции, в «я», без которого нет ни существования, ни идейного, ни реального бытия, ни координации.

Бобров приходит к выводу, что самосознание, будучи элементом, который своим существованием обуславливает наличие и функционирование всех остальных, и есть субстанция. Кроме того, в самосознании находится и единственный источник нашего знания о бытии, ведь в понятие бытия мы вкладываем непосредственно осознание своего существования, знание о себе, своих «деятельностях» и содержании этих деятельностей в их единстве и отношении друг к другу [2]. Самосознание (непосредственное сознание человеком своего действительного существования) является необходимым компонентом, основой и условием как рациональной деятельности субъекта, его мышления, памяти, так и психической координации, представляющей собой какой-либо целостный момент существования субъекта, в котором присутствуют его мысли, чувства, переживания, ощущения.

С позиций критического индивидуализма Бобров критикует не только материализм как метафизическое учение (поскольку оно имеет свою онтологию), но и объективный идеализм (универсализм) платоновского и гегелевского типа за то, что в основу учения кладётся «общее», а не «личность, индивид, особь» [1]. Сознание и индивидуальная субстанция – вот основа новой метафизики, согласно Боброву.

Е. Бобров не раз задавался вопросом, насколько можно надеяться на распространение критического индивидуализма и нет ли каких-либо особенностей в принципах этого мировоззрения, препятствующих его повсеместному признанию. Ученый пришел к выводу, что эта теория требует значительного напряжения мышления, продолжительного углубления в отвлеченные проблемы, а также большой смелости и самостоятельности. Поэтому истинный и строгий критицизм в соединении с индивидуалистической

метафизикой, согласно Боброву, не подлежит пропаганде [1].

Действительно, в наше время это направление не имеет прямых последователей и приверженцев. Однако русские неолейбнизианцы предвосхитили ряд идей современного персонализма. Персонализм повлиял на возникновение и развитие религиозного экзистенциализма в России. Положение о субстанциальной природе человеческого «Я» получило развитие в работах Н.О. Лосского, С.Л. Франка, В.В. Зеньковского.

Учение о критическом индивидуализме, которого Бобров придерживался всю свою жизнь, имеет много общего с современной экзистенциальной психологией. Экзистенциалисты утверждают, что не следует разделять мир на объективную и субъективную сферы, подлинная философия должна исходить из единства объекта и субъекта. Это близко положению Лейбница о монадах как субстанциальном единстве души и тела. Общим является также представление о методе изучения человеческой души.

Экзистенциалисты используют феноменологический метод, который позволяет, не выходя за пределы индивидуального сознания, выявить сущность объективной действительности. Согласно, представителям неолейбнизианства, основным методом психологии является самонаблюдение, интроспекция. Познание стремится к истине, но истину во внешнем мире познать нельзя. Следует отыскивать идеи в своем разуме интроспективно, т. е. путем внутреннего воззрения самих себя [1].

Е. Бобров разрабатывал свою теорию не только в области теории познания, но и пытался применить ее в педагогике как технологию, как практический метод освоения знаний. Профессор убежден, что индивидуализм имеет громадную теоретическую важность и широкое приложение в истории, философии, также в социологии, юриспруденции, политической экономии и т. п. [1].

Концепция критического индивидуализма является значительной составной частью русского персонализма и отечественной традиции психологического изучения личности. Свообразие научно-академической позиции Боброва проявляется в нескольких моментах. Во-первых, мы наблюдаем феномен провинциального русского профессора: Бобров не преподавал в столичных университетах, что наложило определенный отпечаток на его произведения. Волею судьбы он оказался на окраине России, в Дерптском университете, наполовину немецком городе, затем в Казани, в Варшаве, наконец, в Ростове-на-Дону, в котором до 1915 г. не было высших учебных заведений, соответственно не существовало развитого научного сообщества. Во-

вторых, Бобров был приверженцем преобладающих философских направлений: широко распространены в столичных кругах в то время были академическое гегельянство, кантианство. Лейбницианство, персоналистическая метафизика не пользовалась популярностью: мысль, провозглашавшая в основе бытия индивидуальные духовные субстанции, владела умами немногих. В-третьих, после революции 1917 г. царившая в стране идеологическая атмосфера лишила Боброва возможности открыто выражать свои взгляды, приверженность персоналистической метафизике; не эмигрировал он и за границу, как многие другие лейбницианцы (например, Н.О. Лосский, А.С. Аскольдов).

Говоря о значении Боброва как историка философии и психологии, следует отметить, что он соответствует критериям, по которым негласно оцениваются ученые: у него были ученики и последователи, разделявшие его воззрения (можно говорить о существовании научной школы), он способствовал расширению сферы человеческого знания посредством новых идей и научных исследований.

Ценность научной деятельности Боброва заключается в ее просветительском характере, в желании познакомить читателей с первоисточниками, а также с новейшими материалами. Для русской науки конца 19 века критические статьи Боброва, его обстоятельные и живые изложения философских систем, многочисленные исторические экскурсы представляли весьма ценные материалы. Его работы всегда имели большое воспитательное

значение, ведь Бобров был профессором, педагогом. Однако психологические взгляды Боброва, его оригинальная теория, имели отклик только в дореволюционное время. Мысли о субстанциональности человеческой души, координации ее элементов ни в советское время, ни в наши дни не получили общественного признания. Данная работа является одной из первых попыток вернуть труды Е.А. Боброва в научный оборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров Е.А. Историческое введение в психологию. – Ростов н/Д, 1916.
2. Бобров Е.А. О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А.А. Козлова. – Казань, 1898.
3. Ивлева М.И. О понятии бытия в философии Е.А. Боброва // История философии. – 1999. – № 4. – С. 199–206.
4. Козлов А.А. Мысли о некоторых философских направлениях // Свое слово. – СПб, 1898. – № 5. – С. 73–160.
5. Смирнов В. «Умереть не без ума». Профессор Донского университета // Дон. – 1993. – № 8–9. – С. 253–256.
6. Тарасова М.Н. Из истории научной библиотеки Ростовского государственного университета: начало // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Сборник статей. – Краснодар: КГУКИ, 2007. – Вып. 4. – Ч. 1. – С. 25–52.
7. ГАРО Ф. – Р-46. – Оп. 1. – Д. 197.